

Японские исследования. 2020. № 4. С. 119–136.

Japanese Studies in Russia, 2020, 4, pp. 119–136.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10031

Новая неопределённость в российско-японских отношениях

В.В. Нелидов

Аннотация. В 2020 г. двусторонний трек российско-японских отношений вступил в период новой неопределённости. Этому способствовал ряд факторов как внутреннего по отношению к обеим странам, так и внешнего характера. Во-первых, окончательно стала ясна бесперспективность стратегии правительства С. Абэ, нацеленной на то, чтобы, опираясь на экономическое сотрудничество и личные контакты между лидерами, склонить российскую сторону к территориальным уступкам. Этому, в свою очередь, способствовали как скромность результатов проектов экономического сотрудничества, оказавшихся не в состоянии привести к качественной трансформации структуры российско-японских экономических связей, так и недооценка японской стороной значимости спорных территорий для российского общественного мнения. Во-вторых, после отставки правительства С. Абэ к власти в Японии приходит правительство Ё. Суга, которое, по всей видимости, намерено более жёстко артикулировать территориальные претензии Японии. В-третьих, пандемия COVID-19 нанесла удар по экономическим связям двух стран и вынудила их лидеров сосредоточиться на внутренних проблемах. Ожидать прорывных шагов в российско-японских связях в этих условиях не представляется возможным. В-четвёртых, противоречия между США и Китаем, которые, насколько можно судить, не будут решены даже в случае прихода к власти в США демократов, означают, что Россия и Япония, пусть и невольно, но оказываются «по разные стороны баррикад» в этом разворачивающемся глобальном противостоянии. Поэтому, хотя Москва и Токио не имеют серьёзных оснований, чтобы считать друг друга потенциальными противниками, нарастание международной напряжённости ведёт к тому, что предпринимаемые одной стороной шаги в сфере укрепления собственной военной мощи будут всё с большим подозрением восприниматься другой стороной. Наиболее рациональной стратегией в этих условиях и для Москвы, и для Токио будет попытаться, во-первых, сохранить те достижения, которые уже есть, а во-вторых, стараться проявлять сдержанность и понимание в отношении шагов своего партнёра в сфере национальной безопасности.

Ключевые слова: российско-японские отношения, внешняя политика, дипломатия, Абэ Синдзо, Суга Ёсихидэ, Северо-Восточная Азия.

Автор: Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76), научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

New uncertainty in Russo-Japanese relations

V.V. Nelidov

Abstract. In 2020, the bilateral track of Russo-Japanese relations entered a period of new uncertainty. This was caused by several factors, both internal and external relative to the two nations. First, the futility of the policy of the Abe government aimed at using economic cooperation and personal contacts between leaders to induce territorial concessions on the part of Russia became obvious. This, in turn, was caused by the meagerness of results of economic cooperation, which was unable to produce a qualitative shift in the structure of Russo-Japanese economic ties, as well as the Japanese side's underestimation of the degree to which the disputed territories were important for Russian public opinion. Second, after the resignation of the Abe government, the Suga administration took its place, and, seemingly, it is intent on emphasizing Japan's territorial claims in a more direct fashion. Third, the COVID-19 pandemic dealt a blow to the economic ties of the two nations and forced their leaders to focus on domestic problems. Fourth, the contradictions between the US and China, which will probably not be resolved even after a Democratic administration takes over, mean that Russia and Japan unwillingly find themselves on the opposite sides of the barricades in this developing global confrontation. Therefore, even if Moscow and Tokyo have no substantial reasons to consider each other potential enemies, the growing international tension means that steps to strengthen its military power taken by one side will be met with increasing suspicion by the other. What would be the most rational strategy under these conditions for both Moscow and Tokyo is to attempt to, first, preserve the achievements that have already been made, and second, to show restraint and understanding towards the national security policies of the opposite party.

Keywords: Russo-Japanese relations, foreign policy, diplomacy, Abe Shinzō, Suga Yoshihide, North East Asia.

Author: *Nelidov Vladimir V.*, PhD (History), Senior Lecturer, Department of Asian and African Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (address: 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation), Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Acknowledgements: This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 19-18-00142).

Введение

Идея «поворота на Восток», игравшая значительную роль в российском внешнеполитическом дискурсе 2010-х годов и ставшая в особенности актуальной после событий 2014 г., связанных с воссоединением с Крымом, конфликтом на востоке Украины и последовавшими за этим санкционными мерами стран Запада, изначально была нацелена на диверсификацию связей России со странами Азии, установление тесных связей с целым рядом ключевых держав региона. Это, с одной стороны, могло бы уравновесить те потери, которые Россия понесла из-за ухудшения отношений с США и европейскими странами, а с другой, служило бы важной внутренней цели – развитию Дальнего Востока, что, по словам В.В. Путина, является для России приоритетом XXI века [Статья Владимира Путина..., 2017].

Логично, что одним из важнейших направлений реализации этой стратегической цели могло бы стать развитие связей с Японией – одной из наиболее развитых стран мира

и ключевым игроком Азиатско-Тихоокеанского региона. В самом деле, начиная с середины 2010-х годов, отношения Москвы и Токио были на подъёме, о чём свидетельствовали и многочисленные встречи на высшем уровне, и широко освещавшиеся инициативы экономического сотрудничества. Однако уже к 2019 г. стало понятно, что это количественное развитие российско-японских связей не приводит к их качественной трансформации. Проблемы отсутствия мирного договора и территориального размежевания между странами – Япония по-прежнему претендует на принадлежащие России острова Южной Курильской гряды: Кунашир, Итуруп, Шикотан и гряду Хабомаи – остаются непреодолимым камнем преткновения [Нелидов, 2019].

В 2020 г. тенденция затухания динамики двусторонних связей продолжилась. В настоящей статье будут проанализированы приведшие к этому факторы, как связанные, собственно, с ситуацией в Японии и России (их можно условно назвать «внутренними» по отношению к рассматриваемой ситуации), так и вызванные внешними по отношению к двум странам условиями. Исходя из этих факторов, в заключении будет дана оценка перспективам развития двусторонних отношений в ближайшей перспективе.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что, несмотря на разносторонний анализ актуальных вопросов российско-японских отношений в работах как отечественных (Д.В. Стрельцов [Стрельцов, 2016; Стрельцов, 2017], А.Н. Панов [Панов, 2019], В.О. Кистанов [Кистанов, 2015; Кистанов, 2017], О.И. Казаков [Казаков, 2016; Казаков, 2019], В.В. Нелидов [Нелидов, 2019]), так и зарубежных (А. Ивасита [Iwashita, 2019], Д. Браун [Brown, 2016], Т. Абиру [Abiru, 2019]) авторов, целый ряд событий, произошедших в 2020 г. (прежде всего, смена правительства в Японии, а также глобальная пандемия COVID-19) требуют переосмысления и актуализации прогнозов развития связей двух стран с учётом новых условий.

Внутренние факторы

В конце 2020 г. отношения России и Японии по-прежнему в значительной степени определяются инерцией сближения, наметившегося с приходом к власти правительства Абэ Синдзо в 2012 г. О приоритетности российского направления С. Абэ заявлял ещё в начале своего второго премьерского срока (первое его пребывание на посту премьера продлилось всего год, с сентября 2006 по сентябрь 2007 г.). Так, выступая с программной речью в парламенте 28 февраля 2013 г., он заявлял: «Отношения с Россией <...> являются одним из самых перспективных двусторонних направлений для Японии. Я намерен использовать запланированный на этот год визит (состоялся в апреле 2013 г. – В.Н.), чтобы придать новый импульс развитию японо-российских отношений» [Дай хяку хати дзю: сан кай коккай ..., 2013].

События в Крыму и на востоке Украины, а также последовавшее за этим введение странами Запада санкций против России (к которым Япония хотя и присоединилась, но в крайне ограниченном масштабе [Панов А.Н., Стрельцов Д.В., Киреева А.А., Нелидов В.В., 2019, с. 5]), привели к паузе в развитии контактов между двумя странами, и сближение возобновилось лишь спустя некоторое время. В мае 2016 г. С. Абэ посетил Россию с неофициальным визитом и встретился с В. Путиным, что, с российской точки зрения, стало важной вехой в деле преодоления дипломатической изоляции, в которой оказалась Россия

после событий 2014 г. В ходе встречи С. Абэ выступил с инициативой «Плана экономического развития из восьми пунктов», включающего в себя сотрудничество в области развития здравоохранения, городской среды, обменов между предприятиями малого и среднего бизнеса, энергетики, диверсификации промышленной структуры России и развития промышленности на Дальнем Востоке, инновационного развития и гуманитарных обменов. В качестве концептуальной схемы развития экономических отношений двух стран «План из восьми пунктов» используется японской стороной до сих пор [План сотрудничества из 8 пунктов...], поэтому само содержание этого плана, а также его значимость в контексте отношений двух стран заслуживают того, чтобы остановиться на них отдельно.

Во-первых, обращает на себя внимание общий и даже эклектичный характер этой программы действий, охватывающей едва ли не весь спектр перспективного экономического сотрудничества между странами (в особенности это касается таких общих пунктов, как «сотрудничество в области передовых технологий с объединением знаний Японии и России» или «существенное увеличение обменов и сотрудничества между японскими и российскими предприятиями малого и среднего бизнеса»). В результате практически любой успешный проект двустороннего экономического сотрудничества может быть охарактеризован как достижение на пути реализации «Плана из восьми пунктов». В некотором смысле этот приём – сформулировать яркий политический «бренд» с намеренно расплывчатым содержанием, которое позволило бы гибко адаптировать политику в соответствии потребностями момента, при этом сохраняя сам «бренд» – был типичным для администрации С. Абэ. Такой же стратегии она придерживалась, к примеру, в реализации стратегии «Абэномики», конкретное содержание которой существенно менялось с течением времени¹.

Во-вторых, нельзя не заметить, что некоторые пункты, особенно такие, как «сотрудничество, способствующее увеличению продолжительности здоровой жизни российских граждан за счёт повышения уровня медицинского обслуживания» или «поощрение диверсификации промышленной структуры России и повышение производительности» выглядят не столько как предложения, нацеленные на «всестороннее углубление взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества между Россией и Японией как равноправными партнёрами» (как это было сформулировано в Совместном заявлении лидеров двух стран, обнародованном после их встречи в апреле 2013 г. [Совместное заявление Президента Российской Федерации...]), сколько как обещания помощи со стороны Японии.

Как ни парадоксально, но этот момент в конечном счёте вполне мог сыграть негативную роль в деле развития двусторонних отношений. То, что Япония фактически пообещала России экономическую помощь – пусть даже японская сторона и не акцентирует внимание на этом – означает, что в обмен на это Токио ожидает от Москвы определённых уступок. Иными словами, обещания экономического сотрудничества со стороны Японии в качестве конечной цели имели намерение «купить» готовность России на уступки по «территориальному вопросу». Когда же стало очевидно, что подобная стратегия не работает (так, в феврале 2019 г. посол России в Японии М. Галузин в очередной раз подчеркнул, что «вопросы суверенитета над островами и вопросы их передачи на переговорах не обсуждаются и обсуждаться не могут» [Посол РФ в Японии..., 2019]), это вызвало

¹ Более подробно см. [Shvydko, 2020; Рензин, Суслов, 2020].

разочарование и раздражение японской общественности российской политикой администрации С. Абэ [Walker, Azuma, 2020].

Вопреки ожиданиям Токио, по мере развития российско-японских связей на высшем уровне позиция российской стороны не смягчалась, а скорее даже ужесточалась. Особенно следует обратить внимание на наметившуюся к концу 2010-х годов тенденцию привлечения дополнительных аргументов исторического и идеологического характера для обоснования невозможности каких бы то ни было территориальных уступок Японии. Именно этим, как представляется, мотивировано решение акцентировать в официальном дискурсе победу СССР над милитаристской Японией путём переноса Дня окончания Второй мировой войны на 3 сентября (соответствующий закон был подписан президентом В. Путиным 24 апреля 2020 г.) [День окончания Второй мировой войны..., 2020]. Вкупе с подчёркиванием российской стороной того, что Курильские острова вошли в состав нашей страны по итогам Второй мировой войны и что Япония должна признать эти итоги [Лавров: суверенитет России..., 2019], это, как представляется, служит достаточно очевидным инструментом делегитимизации японских претензий.

Другое средство, к которому прибегла российская сторона для укрепления своих позиций в территориальном споре с Японией – включение во вступившие в силу в июле 2020 г. поправки к Конституции России пункта 2.1 статьи 67, запретившего «действия, направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям». И хотя это положение сопровождается оговоркой, упоминающей случаи «делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами», достаточно вероятным представляется допущение, что предназначение этих поправок заключается, в том числе, и в том, чтобы воздвигнуть дополнительный барьер на пути передачи российских Южных Курил или даже их части Японии – во всяком случае, именно эта интерпретация оказалась наиболее распространенной в японской печати².

Причиной того, почему российское руководство считает невозможным даже компромиссные варианты, которые предусматривали бы передачу части Южных Курил Японии³, является крайне негативное отношение к такому сценарию общественного мнения России. Проведенный ВЦИОМ в начале 2019 г. опрос показал, что 77 % россиян выступают против передачи островов Японии. Комментируя результаты исследования, генеральный директор ВЦИОМ Валерий Федоров подчеркнул: «Вопрос принадлежности южных Курил уже несколько десятилетий находится в фокусе внимания большинства россиян. Любой намек на возможность отдать острова Японии вызывает, как правило, возмущённую реакцию общества» [Опрос показал..., 2019].

² См., напр. [Росиа кайкэн..., 2020; Сясэцу. Росиа..., 2020].

³ Одним из таких вариантов могло бы стать, например, буквальное следование статье 9 Совместной советско-японской декларации 1956 года, гласящей: «Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан (Шикотан. – В.Н.) с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией». Следует, однако, подчеркнуть, что японская сторона продолжает настаивать на заключении мирного договора после решения «территориального вопроса», что противоречит указанному положению Совместной декларации.

Как бы то ни было, неудача российско-японского сближения середины-конца 2010-х годов обусловлена не только ошибочным расчётом администрация С. Абэ, что предлагаемых проектов экономического сотрудничества, а также интенсивных личных встреч между лидерами (число этих встреч за время пребывания С. Абэ у власти приблизилось к трём десяткам) будет достаточно, чтобы добиться хоть каких-то уступок со стороны России по вопросу территориального размежевания. Проблема заключается и в том, что сами по себе инициативы экономического сотрудничества не принесли ожидаемых плодов.

Товарооборот России и Японии в 2019 г. был равен 20,3 млрд долл. США (что составило лишь 95,5 % объёма товарооборота 2018 г.). По этому параметру Японию опередил не только Китай (первое место среди всех стран дальнего зарубежья со 110,9 млрд долл. США, 102,5 % к 2018 г.), что неудивительно, учитывая динамику стратегического партнёрства Москвы и Пекина, но и такие уступающие Японии по многим экономическим параметрам страны, как Республика Корея (24,4 млрд долл. США, 98,1 % к 2018 г.) или даже Турция (26,0 млрд долл. США, 101,9 % к 2018 г.) [Внешняя торговля РФ..., 2020]. Более того, даже по «совместной хозяйственной деятельности» на Южнокурильских островах, которая должны была стать своего рода «витриной» достижений российско-японского экономического сотрудничества, ещё в конце 2019 г. работа находилась, в лучшем случае, на уровне «пилотных мероприятий» [А острова и ныне там, 2019].

Причины отсутствия существенного прогресса в российско-японских экономических связях – даже до экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19 – имеют объективный характер. Общая структура российской экономики ограничивает тот набор экспортных товаров, которые Россия может предложить японским потребителям (75,77 % экспорта России в Японию в 2019 г. составили минеральные продукты, 7,8 % - драгоценные металлы и камни, 4,43 % – древесина и целлюлозно-бумажные изделия). При этом продукция сельскохозяйственной отрасли, которая часто называется одной из наиболее перспективных сфер совместной деятельности [Киреева, 2017, с. 76], составила лишь 2,9 % объёма экспорта России в Японию, причем по сравнению с 2018 г. этот показатель снизился – тогда он составлял 3,09 %. И, наконец, доля машин, оборудования и транспортных средств в российском экспорте в Японию составила лишь 0,38 %, упав по сравнению с 2018 г., когда она была равна 1,15 %, более чем в три раза [Торговля между Россией и Японией в 2019 г.].

Приход к власти правительства Суга Ёсихидэ вряд ли приведёт к появлению качественно новых инициатив и проектов в российско-японских отношениях. С одной стороны, как подчёркивает японский политолог Абиру Тайсукэ [Abiru, 2020], во внешней политике нового кабинета следует ожидать значительной преемственности по отношению к правительству С. Абэ. Так, на своих местах после смены премьер-министра остались две ключевые фигуры – министр иностранных дел Мотэги Тосимицу и глава Национального секретариата безопасности Китамура Сигэру.

С другой стороны, в отличие от С. Абэ, для которого задача качественной трансформации связей с Россией была, в некотором смысле, личной амбицией (достаточно упомянуть такой его символический жест, как данное на могиле отца обещание добиться заключения мирного договора), для Ё. Суга связи с Москвой – лишь одно из направлений внешней политики. Показателен в этом смысле контекст, в котором новый премьер упомянул Россию в своей программной речи 26 октября 2020 г.: «Необходимо поставить точку в территориальном вопросе, не передавая его следующему поколению. В отношениях

с Россией я буду стремиться к развитию всего комплекса японо-российских отношений, включая заключение мирного договора, посредством откровенного обмена мнениями между лидерами» [Дай ни хяку сан кай коккай, 2020].

Акцент новой администрации именно на решении проблемы отсутствия мирного договора и удовлетворении территориальных претензий японской стороны подчёркивался и в сделанном месяцем ранее заявлении генерального секретаря кабинета министров Като Кацунобу. Комментируя состоявшийся 29 сентября 2020 г. телефонный разговор между В. Путиным и Ё. Суга, он отметил: «Курс, нацеленный на то, чтобы решить территориальную проблему, не передавая её следующим поколениям, и заключить мирный договор, остаётся без изменений. Неизменной остаётся позиция японской стороны, заключающаяся в том, что северные территории являются островами, на которые распространяется суверенитет нашей страны, и что предметом переговоров о мирном договоре является решение вопроса о принадлежности четырёх островов» [Нитиро канкэй, 2020].

С самого начала новый премьер-министр и представители его команды дали понять, что приоритетом для Японии в отношениях с Россией будет именно решение «территориального вопроса» – то есть получение от России конкретных обещаний по поводу передачи Японии территорий Южных Курил, которые Япония считает своими. В этом правительство Ё. Суга отличается от своего предшественника, который хотя и не отказывался от территориальных претензий к России (учитывая отношение японского общества к проблеме т.н. северных территорий, подобный отказ невозможен ни для одного японского политика), но следовал более долгосрочной стратегии – сначала добиться всестороннего развития связей и укрепления отношений с Россией, а уже потом, опираясь на этот фундамент, добиваться решения территориальной проблемы на приемлемых для Японии условиях. При этом, как утверждали некоторые эксперты, С. Абэ готов был даже ограничиться двумя из четырёх спорных островов, которые Советский Союз пообещал Японии в Совместной декларации 1956 года [Япония делит чаяния надвое, 2018].

Внешние факторы

Событием, оказавшим колоссальное влияние на все мировые процессы в 2020 г., была, конечно же, пандемия COVID-19. Рассмотрение деталей реагирования России и Японии на этот беспрецедентный вызов выходит за рамки настоящего исследования⁴. Но на момент написания данной статьи (декабрь 2020 г.) уже понятно, что глобальный экономический спад, вызванный введёнными обеими странами ограничениями, нанёс тяжёлый урон экономическим связям двух стран. За 9 месяцев 2020 г. товарооборот между Россией и Японией упал на 22,59 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. [Внешняя торговля России с Японией за 9 месяцев 2020 г.], но даже с учётом экстраординарных условий динамика торговли между странами уступает и торговым связям России с Китаем (за 9 месяцев 2020 г. российско-китайский товарооборот сократился лишь на 5,16 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.) [Внешняя торговля России с Китаем за 9 месяцев 2020 г.], и динамике российской внешней торговли в целом (за указанный период

⁴ О том, как на распространение COVID-19 реагировала Япония, см. в: [Казаков, 2020; Белов, Тихоцкая, 2020; Жилина, 2020].

её общий объём сократился лишь на 17,1 %) [Внешняя торговля России за 9 месяцев 2020 г.]. Более того, ограничения на поездки, а также сосредоточенность правительств каждой из стран на наиболее насущных проблемах, связанных с борьбой с пандемией и минимизацией ущерба экономике, означают, что и каких-либо значимых инициатив в дипломатической сфере в ближайшее время также ждать не приходится.

Негативные факторы внешнего по отношению к двум странам характера не ограничиваются пандемией новой коронавирусной инфекции. В средне- и долгосрочной перспективе гораздо более существенное влияние может оказать общая трансформация мировой системы, вызванная нарастанием противоречий между США с одной стороны и КНР – с другой. Это особенно важно, если вспомнить, что Япония является ключевым союзником США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а Россия поддерживает с Китаем отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, существенным компонентом которых является сотрудничество в военной сфере [Совместное заявление Российской Федерации...]. В результате, по мере того как отношения между США и Китаем становятся всё более напряжёнными (тенденция к чему, по всей видимости, не будет переломлена и после прихода к власти в США демократов), Россия и Япония всё в большей степени втягиваются в общую логику противостояния, из-за чего действия одной стороны, не представляющие по сути своей реальной угрозы для другой, начинают, тем не менее, истолковываться в конфронтационном ключе.

Наглядный пример тому – реакция России на укрепление системы противоракетной обороны Японии. Так, в декабре 2018 г., комментируя планы размещения на территории Японии комплексов ПРО Aegis Ashore, директор Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России Владимир Ермаков подчёркивал: «Японские объяснения нас не могут удовлетворить, потому что на самом деле речь идёт не об укреплении обороноспособности Японии, а об упорно продолжающемся одностороннем и абсолютно бесконтрольном наращивании американского глобального противоракетного потенциала» [В МИД прокомментировали..., 2018].

В июне 2020 г. японские власти приняли решение приостановить развертывание этих комплексов, мотивируя это соображениями стоимости и безопасности [Hornung, 2020]. Имело ли это решение подоплёку, связанную с нежеланием провоцировать резкую реакцию стран-соседей Японии, сказать сложно, но ясно, что военный потенциал Японии, в том числе и в сфере противоракетной обороны, будет укрепляться в будущем. Укрепление системы ПРО выделено в качестве одного из приоритетов в действующей Среднесрочной программе развития оборонного потенциала Японии на период с 2019 по 2023 ф.г. [Medium Term Defense Program...], а угроза ракетного удара со стороны КНДР в публикациях японского Министерства обороны называется «серьёзной и непосредственной угрозой безопасности Японии» [Defense of Japan 2020, p. 19]. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что, несмотря на решение об отмене размещения Aegis Ashore, японские Силы самообороны будут развивать систему противоракетной обороны и далее, но каждый значимый шаг в этом направлении по-прежнему будет вызывать негативную реакцию Москвы.

В других случаях уже действия России в военной сфере влекут за собой критику со стороны Японии. В июле 2019 г. Министерство обороны Республики Корея заявило, что, согласно его данным, бомбардировщики ВВС России и Китая вторглись в южнокорейскую опознавательную зону ПВО вблизи островов Лианкур (корейское название – Токто,

японское – Такэсима), находящихся под контролем Республики Корея, но оспариваемых Японией. В ответ на это самолеты южнокорейских ВВС сделали несколько сотен предупредительных выстрелов. Япония, в свою очередь, выразила протест и Сеулу, и Москве, обвинив последнюю в нарушении воздушного пространства над акваторией, которую Токио считает своей [Tokyo Protests, 2019].

Наконец, ещё один, более недавний инцидент оказался практически зеркальным отражением ситуации вокруг японской ПРО. После появления в конце 2020 г. информации о размещении на Курильских островах зенитно-ракетных комплексов С-300, 1 декабря 2020 г. посольство Японии выразило протест МИД России, подчеркнув, что подобные действия несовместимы с позицией Японии по этим островам [Токио заявил протест Москве..., 2020].

Несложно заметить, что каждый раз логика подобных ситуаций схожая: одна из сторон предпринимает какие-либо действия в военной сфере, которые, говоря объективно, вовсе не обязательно являются провокационным жестом или попыткой создать угрозу другой стороне. Японская территория действительно уязвима перед лицом потенциального ракетного удара со стороны КНДР – особенно если учесть специфику северокорейского режима, а также то, что во время предыдущих испытаний северокорейские ракеты пролетали в космическом пространстве над японской территорией. И масштабы российского Дальнего Востока вкупе с его малой освоенностью действительно делают важной задачей модернизацию там военной инфраструктуры, в том числе и средств ПВО. Однако недоверие друг к другу, обусловленное прежде всего общей атмосферой конфликтности в международных отношениях, а не опасностью, собственно, российско-японского военного столкновения (которое в нынешних условиях не является сколь бы то ни было реалистичным сценарием), вынуждает стороны реагировать на это в конфронтационном ключе. Стремление же добиться ослабления этого недоверия, в немалой степени стоявшее за попыткой российско-японского сближения в период администрации С. Абэ, успехом не увенчалось.

Заключение: перспективы российско-японских связей

Сближение между Россией и Японией, инициированное правительством С. Абэ в середине 2010-х годов и нацеленное на то, чтобы путём активизации личных контактов между лидерами и развития экономического сотрудничества добиться повышения уровня доверия между странами, ослабления степени российско-китайского стратегического сотрудничества и, в качестве главной цели, решения проблемы территориального размежевания на приемлемых для Японии условиях, не увенчалось успехом. Этому способствовал ряд факторов как внутреннего по отношению к обеим странам, так и внешнего характера.

Во-первых, окончательно стала ясна бесперспективность стратегии правительства С. Абэ, нацеленной на то, чтобы, опираясь на экономическое сотрудничество и личные контакты между лидерами, склонить российскую сторону к территориальным уступкам. Этому, в свою очередь, способствовали как скромность результатов экономического сотрудничества, оказавшегося не в состоянии привести к качественной трансформации структуры российско-японских экономических связей, так и недооценка японской стороной того, насколько Москва не готова идти на любые территориальные уступки ввиду принципиальной позиции на этот счёт российского общественного мнения.

Во-вторых, смена в Японии правительства и приход к власти администрации Ё. Суга, занявшего более прагматичную позицию и, по всей видимости, не намеренного продолжать курс своего предшественника на приоритетное развитие связей с Россией, означает, что тот запас личного доверия, который был накоплен в ходе многочисленных личных встреч В. Путина и С. Абэ и который, как ожидали оптимисты, мог стать ключом к решению проблемы отсутствия мирного договора, оказался обнулённым.

В-третьих, пандемия COVID-19 вынудила обе стороны сосредоточиться на внутренних проблемах. Ожидать прорывных шагов в российско-японских связях до тех пор, пока не будет преодолён этот беспрецедентный кризис, не представляется возможным.

В-четвертых, противоречия между США и Китаем означают, что Россия и Япония, пусть и невольно, но оказываются «по разные стороны баррикад» в этом разворачивающемся глобальном противостоянии. Хотя Москва и Токио не имеют серьёзных оснований для того, чтобы считать друг друга потенциальными противниками, нарастание международной напряжённости ведёт к тому, что предпринимаемые одной стороной шаги в сфере укрепления собственной военной мощи будут всё с большей настороженностью восприниматься другой стороной.

Оптимальной стратегией в этих условиях и для Москвы, и для Токио будет попытаться хотя бы сохранить достигнутое. Даже несмотря на обусловленную многими причинами ограниченность возможностей российско-японского экономического сотрудничества в ближайшей перспективе, необходимо продолжать усилия в этой сфере и, что немаловажно, грамотно преподносить их результаты общественному мнению обеих стран. Японской стороне, однако, следует оценивать ситуацию реалистично и осознавать, что подход к этим проектам как к экономической помощи России, в обмен на которую Токио имел бы право ожидать определённых уступок со стороны Москвы, обречён на провал.

Обеим сторонам следует соблюдать сдержанность в оценке тех или иных шагов, предпринимаемых их визави в военной сфере. Япония хотя и остаётся ключевым союзником США в регионе, тем не менее не является американским сателлитом, лишённым собственной стратегии и политической воли. Учитывая же предусмотренное Статьёй 51 Устава ООН неотъемлемое право каждого государства на индивидуальную и коллективную самооборону, странно было бы отрицать право японского правительства обеспечивать безопасность своих граждан всеми не противоречащими международному праву способами. Но и японской стороне следует с пониманием относиться к объективной необходимости и суверенному праву России укреплять свой военный потенциал, в том числе и путём развития военной инфраструктуры на Дальнем Востоке. Взаимные же протесты против тех или иных шагов в военной сфере не только не влекут за собой пересмотра соответствующих решений, но и подрывают доверие сторон друг к другу.

Наконец, по ключевому для сторон вопросу отсутствия мирного договора японской стороне стоит осознать, что реальной возможности добиться от России каких бы то ни было территориальных уступок в обозримой перспективе практически нет. Российское общественное мнение воспримет любое, даже компромиссное с точки зрения Японии, решение, предусматривающее передачу хотя бы части Южных Курил Японии, как капитуляцию. И российское руководство просто не может позволить себе подобные репутационные потери, особенно в связи с многочисленными внутренними вызовами, обусловленными последствиями пандемии COVID-19.

Многое в этой ситуации будет зависеть от позиции нового японского руководства – пойдёт ли оно на обострение отношений, акцентируя территориальные претензии к Москве и вернувшись к политике «неразделимости политики и экономики», характеризовавшей курс Японии в отношении СССР в годы холодной войны, или будет действовать более осторожно, понимая, что возможные последствия резкого ухудшения российско-японских отношений, к которому может привести ужесточение позиции Токио в отношении Москвы, могут в условиях нарастающего американо-китайского противостояния оказаться непредсказуемыми. Поэтому, исходя из национальных интересов и России, и Японии, наиболее рациональной и реалистичной целью и для Москвы, и – в ещё большей степени – для Токио является сохранение статус-кво в их политических и экономических связях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

А острова и ныне там. Главы МИД России и Японии подвели итоги 2019 года // Коммерсантъ. 19.12.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4199118> (дата обращения: 02.12.2020).

Белов А.В., Тихоцкая И.С. Первая волна пандемии COVID-19 в Японии: социальные и экономические аспекты // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 14–21.

В МИД прокомментировали объяснения Японии по размещению ПРО США // РИА Новости. 14.12.2018. URL: <https://ria.ru/20181214/1547975262.html> (дата обращения: 04.12.2020).

Внешняя торговля России за 9 месяцев 2020 года. 14.11.2020 // Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-za-9-mesyatsev-2020-goda/> (дата обращения: 03.12.2020).

Внешняя торговля России с Китаем за 9 месяцев 2020 г. 14.11.2020 // Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-kitaem-za-9-mesyatsev-2020-g/> (дата обращения: 03.12.2020).

Внешняя торговля России с Японией за 9 месяцев 2020 г. 14.11.2020 // Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-yaponiey-za-9-mesyatsev-2020-g/> (дата обращения: 03.12.2020).

Внешняя торговля РФ. Данные ФТС России за 2019 год // GIPP.RU. 12.02.2020. URL: <https://gipp.ru/news/poligrafiya-rynok-bumagi/vneshnyaya-torgovlya-rf-dannye-fts-rossii-za-2019-god/> (дата обращения: 03.12.2020).

Дай ни хяку сан кай коккай ни окэру Суга найкаку со:ри дайджин сёсин хё:мэй эндзэцу : [Программная речь премьер-министра Суга на 203 сессии парламента] // Prime Minister's Office of Japan. 26.10.2020. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/99_suga/statement/2020/1026shoshinhyomei.html (дата обращения: 03.12.2020).

Дай хяку хати дзю: сан кай коккай ни окэру Абэ найкаку со:ри дайджин сисэй хо:син эндзэцу : [Программная речь премьер-министра Абэ на 183 сессии парламента] // Prime Minister's Office of Japan. 28.02.2013. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement2/20130228siseuhousin.html (дата обращения: 03.12.2020).

День окончания Второй мировой войны перенесён на 3 сентября // Российская газета. 24.04.2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/24/putin-podpisal-zakon-o-perenose-dnia-okonchaniia-vtoroj-mirovoj-vojny-na-3-sentiabria.html> (дата обращения: 04.12.2020).

Жилина Л.В. COVID-19. Японские традиции против нового вызова // Ежегодник Японии. 2020. Т. 49. (В печати).

Казаков О.И. Иностраный туризм Японии накануне Олимпийских игр 2020 года // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 81–96.

Казаков О.И. К вопросу об активизации российско-японского диалога по территориальной проблеме // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 33–45.

Казаков О.И. О «хикивакэ» в российско-японских отношениях // Японские исследования. 2016. № 1. С. 47–58.

Киреева А.А. Новый импульс в развитии российско-японских отношений и сотрудничества на Дальнем Востоке // 25 лет внешней политике России. Сборник материалов X Конвента РАМИ. Т. 1, Ч. 2. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2017. С. 63–89.

Кистанов В.О. Россия и Япония: актуальные проблемы отношений // Актуальные проблемы современной Японии. 2017. № 31. С. 7–26.

Кистанов В.О. Треугольник Россия-Япония-Китай во внешней политике Абэ: территориальный аспект // Российское японоведение сегодня: К 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 55–67.

Лавров: суверенитет России над Курилами не обсуждается // ТАСС. 14.01.2019. URL: <https://tass.ru/politika/5996432> (дата обращения: 03.12.2020).

Нелидов В.В. Российско-японские двусторонние отношения: пределы сближения // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 65–82.

Нитиро канкэй «Рё:до мондай кайкэцу си хэйва дзё:яку тэйкэцу о» камбо:тё:кан : [Генеральный секретарь кабинета министров заявляет, что японо-российские отношения нацелены на решение территориального вопроса и заключение мирного договора] // NHK. 29.09.2020. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20200929/k10012640311000.html> (дата обращения: 04.12.2020).

Опрос показал, что 77% россиян выступают против передачи Японии южных Курил // РИА Новости. 28.01.2019. URL: <https://ria.ru/20190128/1549996832.html> (дата обращения: 06.12.2020).

Панов А.Н. Советско-японская совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации // Японские исследования. 2019. № 2. С. 63–94.

Панов А.Н., Стрельцов Д.В., Киреева А.А., Нелидов В.В. Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе. М.: РСМД, 2019. 44 с.

План сотрудничества из 8 пунктов (План сотрудничества для инновационной реформы в промышленности и экономике для России как ведущей страны с благоприятными условиями жизни) // Посольство Японии в России. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html> (дата обращения: 01.12.2020).

Посол РФ в Японии: передача Курил не обсуждается и обсуждаться не может // ТАСС. 06.02.2019. URL: <https://tass.ru/interviews/6081120> (дата обращения: 03.12.2020).

Рензин О.М., Суслов Д.В. Экономическая динамика в Японии: детализации институциональных контуров политики «Абэномики» // Японские исследования. 2020. №1. С. 85–105.

Росиа кайкэн, Путин си 5 сэн кано: э. Рё:до ко:сё: ни мо эйкё: ка : [Поправки в Конституцию России дают г-ну Путину возможность избираться на пятый срок. Они также могут оказать влияние на переговоры по территориальному вопросу] // Асахи симбун Digital. 02.07.2020. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASN722PD3N72UHBI001.html> (дата обращения: 04.12.2020).

Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства. 29 апреля 2013 года // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1446> (дата обращения: 03.12.2020).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 5 июня 2019 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 03.12.2020).

Статья Владимира Путина «XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию» // Президент России. 08.11.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56023> (дата обращения: 01.12.2020).

Стрельцов Д.В. Вопросы исторического прошлого в российско-японских отношениях. Москва: Carnegie Endowment for International Peace, 2016. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Streltsov_Rus_web_1.pdf (дата обращения: 02.12.2020).

Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития // Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13(3). С. 68–85.

Стрельцов Д.В. Российско-японский политический диалог в 2016-2017 гг. // Ежегодник Япония. 2017. № 46. С. 26–44.

Сясэцу. Росиа но кэмпо: кайсэй. Сэнсэй то дзикоку ю:сэн но аяуса : [Редакционная статья. Поправки в конституцию России. Опасность автократии и национальной исключительности] // Майнити симбун. 04.07.2020. URL: <https://mainichi.jp/articles/20200704/ddm/005/070/073000c> (дата обращения: 04.12.2020).

Токио заявил протест Москве из-за размещения С-300 на Курилах // Газета.ру. 02.12.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2020/12/02/15306139.shtml> (дата обращения: 05.12.2020).

Торговля между Россией и Японией в 2019 г. 13 февраля 2020 г. // Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-yaponiey-v-2019-g/> (дата обращения: 03.12.2020).

Япония делит чаяния надвое // Коммерсант. № 236. 21.12.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3836659> (дата обращения: 05.12.2020).

Abiru T. Foreign Policy Program of the New Japanese Prime Minister // Valdai Club. 06.11.2020. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/foreign-policy-program-of-the-new-japanese-leader/> (дата обращения: 01.12.2020).

Abiru T. Japan and the Development of the Russian Far East // Valdai Discussion Club. Valdai Paper № 106. 02.09.2019. URL: <https://valdaiclub.com/files/26173/> (дата обращения: 01.12.2020).

Brown J. Japan, Russia and their Territorial Dispute. The Northern Delusion. New York: Routledge, 2016. 176 p.

Defense of Japan 2020. P. 19 // Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/wp2020/pdf/R02000031.pdf (дата обращения: 05.12.2020).

Hornung J.W. Japan Is Cancelling a U.S. Missile Defense System // Foreign Policy. 02.07.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/07/02/japan-aegis-ashore-expense-cancel-united-states-alliance/> (дата обращения: 05.12.2020).

Iwashita A. Abe's Foreign Policy Fiasco on the Northern Territories Issue: Breaking with the Past and the National Movement // Eurasia Border Review. 2019. Vol. 10, Is. 1. Pp. 111–133.

Medium Term Defense Program (FY 2019 – FY 2023). December 18, 2018 // Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/chuki_seibi31-35_e.pdf (дата обращения: 05.12.2020).

Shvydko V.G. Abenomics: A Change in the Concept // Russian Japanology Review. 2020. Vol. 3, No. 1. Pp. 5–21.

Tokyo Protests to Seoul, Moscow over Air Incident near Takeshima // Nippon.com. 23.07.2019. URL: <https://www.nippon.com/en/news/yjj2019072301050/tokyo-protests-to-seoul-moscow-over-air-incident-near-takeshima.html> (дата обращения: 04.12.2020).

Walker J., Azuma, H. Shinzo Abe's Unfinished Deal With Russia // War on the Rocks. 11.09.2020. URL: <https://warontherocks.com/2020/09/shinzo-abes-unfinished-deal-with-russia/> (дата обращения: 02.12.2020).

REFERENCES

Abiru, T. (2019). Japan and the Development of the Russian Far East, *Valdai Discussion Club. Valdai Paper №106*, 2 September 2019. URL: <https://valdaiclub.com/files/26173/> (accessed: 1 December 2020).

Abiru, T. (2020). Foreign Policy Program of the New Japanese Prime Minister, *Valdai Club*, 6 November 2020. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/foreign-policy-program-of-the-new-japanese-leader/> (accessed: 1 December 2020).

Asahi Shimbun Digital. (2020). Roshia kaiken, Pūchin shi 5 sen kanō e. Ryōdo kōshō ni mo eikyō ka [Amendments to the Constitution of Russia Make It Possible for Mr Putin to Be Elected for the Fifth Term. They May Also Influence the Territorial Issue Negotiations], 2 July. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASN722PD3N72UHBI001.html> (accessed: 4 December 2020). (In Japanese).

Belov, A.V., Tikhotskaya, I.S. (2020). Pervaya volna pandemii COVID-19 v Yaponii: sotsial'nyye i ekonomicheskiye aspekty [The First Wave of the COVID-19 Pandemic in Japan: Social and Economic Aspects], *Aziya i Afrika segodnya*, 10: 14–21. (In Russian).

Brown, J. (2016). Japan, Russia and their Territorial Dispute. The Northern Delusion. New York: Routledge.

Embassy of Japan in Russia. (no date). Plan sotrudnichestva iz 8 punktov (Plan sotrudnichestva dlya innovatsionnoy reformy v promyshlennosti i ekonomike dlya Rossii kak vedushchey strany s blagopriyatnymi usloviyami zhizni) [8 Points Cooperation Plan (Plan of Cooperation for Innovative Reform in the Industry and Economy of Russia as a Leading Country

with Favorable Living Conditions]. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html> (accessed: 1 December 2020). (In Russian).

Gazeta.ru. (2020). Tokio zayavil protest Moskve iz-za razmeshcheniya S-300 na Kurilakh [Tokyo Lodged a Protest to Moscow because of the Placement of S-300 in the Kurils], 2 December 2020. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2020/12/02/15306139.shtml> (accessed: 5 December 2020). (In Russian).

GIPP.RU. (2020). Vneshnyaya trgovlya RF. Dannyye FTS Rossii za 2019 god [Russian Federation's Foreign Trade. 2019 Data by the Federal Customs Service], 12 February. URL: <https://gipp.ru/news/poligrafiya-rynok-bumagi/vneshnyaya-torgovlya-rf-dannyye-fts-rossii-za-2019-god/> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

Hornung, J.W. (2020). Japan Is Cancelling a U.S. Missile Defense System, *Foreign Policy*, 2 July. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/07/02/japan-aegis-ashore-expense-cancel-united-states-alliance/> (accessed: 5 December 2020).

Iwashita, A. (2019). Abe's Foreign Policy Fiasco on the Northern Territories Issue: Breaking with the Past and the National Movement, *Eurasia Border Review*, 10(1): 111–133.

Kazakov, O.I. (2016). O «khikivake» v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh [«Hikiwake» in Russian-Japanese Relations: Both Sides No Gain], *Japanese Studies in Russia*, 1: 47–58. (In Russian).

Kazakov, O.I. (2019). K voprosu ob aktivizatsii rossiysko-yaponskogo dialoga po territorial'noy probleme [On the Enhancing of Russian-Japanese Dialogue on Territorial Issue], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1: 33–45. (In Russian).

Kazakov, O.I. (2020). Inostrannyi turizm Yaponii nakanune Olimpiyskikh igr 2020 goda [Japan's Inbound Tourism on the Eve of the 2020 Olympic Games], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*, 1: 81–96. (In Russian).

Kireeva, A.A. (2017). Novyy impul's v razvitii rossiysko-yaponskikh otnosheniy i sotrudnichestva na Dal'nem Vostoke [New Impulse in the Development of Russo-Japanese Relations and Cooperation in the Far East], *25 let vneshney politike Rossii. Sbornik materialov X Konventa RAMI* [25 Years of Russia's Foreign Policy. Proceedings of the 10th RISA Convent], Vol. 1, Part 2, Moscow: MGIMO University: 63–89. (In Russian).

Kistanov, V.O. (2015). Treugol'nik Rossiya-Yaponiya-Kitay vo vneshney politike Abe: territorial'nyy aspekt [The Russia-Japan-China Triangle in Abe's Foreign Policy: Territorial Aspect], *Rossiyskoye yaponovedeniye segodnya: K 20-letiyu Assotsiatsii yaponovedov* [Russian Japanese Studies Today: On the 20th Anniversary of the Association of Japanologists], Moscow: IDV RAN: 55–67. (In Russian).

Kistanov, V.O. (2017). Rossiya i Yaponiya: aktual'nyye problemy otnosheniy [Russia and Japan: Current Problems of Relations], *Aktual'nyye problemy sovremennoy Yaponii*, 31: 7–26. (In Russian).

Kommersant. (2018). Yaponiya delit chayaniya nadvoye [Japan Splits Its Hopes into Two], 21 December. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3836659> (accessed: 5 December 2020). (In Russian).

Kommersant. (2019). A ostrova i nyne tam. Glavy MID Rossii i Yaponii podveli itogi 2019 goda [The Islands Are Still There. Foreign Ministers of Russia and Japan Summed up the Results of 2019], 19 December. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4199118> (accessed: 2 December 2020). (In Russian).

Mainichi Shimbun. (2020). Shasetsu. Roshia no kenpō kaisei. Sensei to jikoku yūsen no ayausa [Editorial. Russian Constitutional Amendment. Threat of Autocracy and National Exceptionalism], 4 July. URL: <https://mainichi.jp/articles/20200704/ddm/005/070/073000c> (accessed: 4 December 2020). (In Japanese).

Ministry of Defense of Japan. (2018). Medium Term Defense Program (FY 2019 – FY 2023), December 18. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/chuki_seibi31-35_e.pdf (accessed: 5 December 2020).

Ministry of Defense of Japan. (2020). Defense of Japan 2020: 19. URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/wp2020/pdf/R02000031.pdf (accessed: 5 December 2020).

Nelidov, V.V. (2019). Rossiysko-yaponskiye dvustoronniye otnosheniya: predely sblizheniya [Russo-Japanese Bilateral Relations: Limits of Rapprochement], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*, 2: 65–82. (In Russian).

NHK. (2020). Nichiro kankei “Ryōdo mondai kaiketsu shi heiwa jōyaku teiketsu o” kanbōchōkan [Cabinet Secretary General Says that Japan-Russia Relations Are Aimed at Solving the Territorial Issue and Signing the Peace Treaty], 29 September. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20200929/k10012640311000.html> (accessed: 4 December 2020). (In Japanese).

Nippon.com. (2019). Tokyo Protests to Seoul, Moscow over Air Incident near Takeshima, 23 July. URL: <https://www.nippon.com/en/news/yjj2019072301050/tokyo-protests-to-seoul-moscow-over-air-incident-near-takeshima.html> (accessed: 4 December 2020).

Panov A.N., Strel'tsov D.V., Kireyeva A.A., Nelidov V.V. (2019). Perspektivy razvitiya rossiysko-yaponskikh otnosheniy na novom etape [The Prospects of Development of Russia–Japan Relations on a New Stage], Moscow: RIAC. (In Russian).

Panov, A.N. (2019). Sovetsko-yaponskaya sovместnaya deklaratsiya 1956 goda: slozhnyy put' k podpisaniyu, nelegkaya sud'ba posle ratifikatsii [The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: A Difficult Path to Signing, a Hard Destiny after the Ratification], *Japanese Studies in Russia*, 2: 63–94. (In Russian).

President of Russia. (2013). Sovместnoye zayavleniye Prezidenta Rossiyskoy Federatsii i Prem'yer-ministra Yaponii o razvitii rossiysko-yaponskogo partnerstva. 29 aprelya 2013 goda [Joint Statement of the President of the Russian Federation and the Prime Minister of Japan on the Development of Russian-Japanese Partnership. 29 April 2013]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1446> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

President of Russia. (2017). Stat'ya Vladimira Putina «XXV sammit ATES v Danange: vmeste k protsvetaniyu i garmonichnomu razvitiyu» [Article by Vladimir Putin “25th APEC Summit in Danang: Together towards Prosperity and Harmonious Development”], 8 November. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56023> (accessed: 1 December 2020). (In Russian).

President of Russia. (2019). Sovместnoye zayavleniye Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o razvitii otnosheniy vseob'yemlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya, vstupayushchikh v novuyu epokhu. 5 iyunya 2019 goda [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Development of Relations of Comprehensive Partnership and Strategic Interaction Entering a New Era. 5 June 2019]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

Prime Minister's Office of Japan. (2013). Dai hyaku hachi jū san kai kokkai ni okeru Abe naikaku sōri daijin shisei hōshin enzetsu [Policy Speech by Prime Minister Abe at the 183rd Diet Session], 28 February. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement2/20130228siseuhousin.html (accessed: 03.12.2020). (In Japanese).

Prime Minister's Office of Japan. (2020). Dai ni hyaku san kai kokkai ni okeru Suga naikaku sōri daijin shoshin hyōmei enzetsu [Policy Speech by Prime Minister Suga at the 203rd Diet session] Prime Minister's Office of Japan, 26 October. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/99_suga/statement/2020/1026shoshinhyomei.html (accessed: 3 December 2020). (In Japanese).

Renzin O.M., Suslov D.V. (2020). Ekonomicheskaya dinamika v Yaponii: detalizatsii institutsional'nykh konturov politiki «Abenomiki» [Economic Dynamics in Japan: Detailing of the Abenomics Policy Institutional Outlines], *Japanese Studies in Russia*, 1: 85–105. (In Russian).

RIA Novosti. (2018). V MID prokommentirovali ob'yasneniya Yaponii po razmeshcheniyu PRO SShA [The Foreign Ministry Commented on Japan's Explanations about the Placement of US Missile Defense], 14 December. URL: <https://ria.ru/20181214/1547975262.html> (accessed: 4 December 2020). (In Russian).

RIA Novosti. (2019). Opros pokazal, chto 77% rossiyan vystupayut protiv peredachi Yaponii yuzhnykh Kuril [Survey Shows that 77% of Russians Are against Giving South Kurils to Japan], 28 January. URL: <https://ria.ru/20190128/1549996832.html> (accessed: 6 December 2020). (In Russian).

Rossiyskaya gazeta. (2020). Den' okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny perenesen na 3 sentyabrya [WWII End Memorial Day Moved to September 3], 24 April. URL: <https://rg.ru/2020/04/24/putin-podpisal-zakon-o-perenose-dnia-okonchaniia-vtoroj-mirovoj-vojny-na-3-sentiabria.html> (accessed: 4 December 2020). (In Russian).

Shvydko, V.G. (2020). Abenomics: A Change in the Concept, *Russian Japanology Review*, 3(1): 5–21.

Streltsov, D.V. (2016). Voprosy istoricheskogo proshlogo v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh [Issues of Historical Past in Russo-Japanese Relations], Moscow: Carnegie Endowment for International Peace. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Streltsov_Rus_web_1.pdf (accessed: 2 December 2020). (In Russian).

Streltsov, D.V. (2017). Rossiysko-yaponskiy politicheskiy dialog v 2016-2017 gg. [Russian-Japanese Political Dialogue in 2016-2017], *Yearbook Japan*, 46: 26–44. (In Russian).

Streltsov, D.V. (2020). Rossiysko-yaponskiye otnosheniya: dolgosrochnnyye faktory razvitiya [Russian-Japanese Relations: Long-Term Development Factors], *MGIMO Review of International Relations*, 13(3): 68–85. (In Russian).

TASS. (2019). Lavrov: suverenitet Rossii nad Kurilami ne obsuzhdayetsya [Lavrov: Russia's Sovereignty over the Kurils Is Not Discussed], 14 January. URL: <https://tass.ru/politika/5996432> (accessed: 3 December 2020).

TASS. (2019). Posol RF v Yaponii: peredacha Kuril ne obsuzhdayetsya i obsuzhdat'sya ne mozhet [Russian Ambassador to Japan: The Transfer of Kurils Is Not and Cannot Be Discussed], 6 February. URL: <https://tass.ru/interviews/6081120> (accessed: 03.12.2020). (In Russian).

Vneshnyaya trgovlya Rossii [Russia's Foreign Trade]. (2020). Torgovlya mezhdru Rossiyei i Yaponiyey v 2019 g. [Trade Between Russia and Japan in 2019], 13 February. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdru-rossiyei-i-yaponiyey-v-2019-g/> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

Vneshnyaya trgovlya Rossii [Russia's Foreign Trade]. (2020). Vneshnyaya trgovlya Rossii za 9 mesyatsev 2020 goda [Russia's Foreign Trade during the 9 Months of 2020], 14 November. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-za-9-mesyatsev-2020-goda/> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

Vneshnyaya trgovlya Rossii [Russia's Foreign Trade]. (2020). Vneshnyaya trgovlya Rossii s Kitayem za 9 mesyatsev 2020 g. [Russia's Foreign Trade with China during the 9 Months of 2020], 14 November. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-kitaem-za-9-mesyatsev-2020-g/> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

Vneshnyaya trgovlya Rossii [Russia's Foreign Trade]. (2020). Vneshnyaya trgovlya Rossii s Yaponiyey za 9 mesyatsev 2020 g. [Russia's Foreign Trade with Japan during the 9 Months of 2020]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-yaponiyey-za-9-mesyatsev-2020-g/> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

Walker J., Azuma, H. (2020). Shinzo Abe's Unfinished Deal With Russia, *War on the Rocks*, 11 September. URL: <https://warontherocks.com/2020/09/shinzo-abes-unfinished-deal-with-russia/> (accessed: 2 December 2020).

Zhilina, L.V. (2020). COVID-19. Yaponskiye traditsii protiv novogo vyzova [COVID-19. Japanese Traditions against a New Challenge], *Yearbook Japan*, Vol. 49. (In print). (In Russian).

Поступила в редакцию 09.12.2020

Received 9 December 2020

Для цитирования: Нелидов В.В. Новая неопределенность в российско-японских отношениях // Японские исследования. 2020. № 4. С. 119–136. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10031

For citation: Nelidov V.V. (2020). Novaya neopredelennost' v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh [New uncertainty in Russo-Japanese relations], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 4: 119–136. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10031